

III.1. СТАТЬИ

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ПУТИЛОВ (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

Вряд ли у кого-либо из знающих Бориса Николаевича Путилова возникнут сомнения в том, что 75 лет для него — не тот возраст, когда следует подводить жизненные итоги. Деятельная натура ученого не знает отдыха и перерыва в работе. Только что, буквально ко дню рождения, вышла его очередная большая монография «Фольклор и народная культура» (СПб., 1994), а он уже заканчивает следующую, постоянно погружен в повседневную научную жизнь с сочинением и редактированием работ, организацией разного рода конференций и симпозиумов, как российских, так и междуна-

¹ Впервые опубликовано в: Кунсткамера: Этнографические тетради. 1994. Вып. 5–6. С. 451–471.

родных, многочисленными консультациями, чтением лекций — короче говоря, ведет обычную жизнь исследователя, внося во все ее аспекты, как это он умеет, творческое начало. Воспользовавшись этой датой, можно попытаться на какое-то время остановиться, оглянуться назад и представить некоторые вехи жизненного пути ученого, дать, что теперь принято называть, «штрихи к портрету», раскрыть наиболее характерные черты его по своему яркой, талантливой, многогранной личности на фоне научной атмосферы в фольклористике 1940–1990-х годов, в формировании которой он принимал и принимает самое активное участие.

Борис Николаевич Путилов родился 14 сентября 1919 г. в станице Солдатской, ныне входящей в Кабардино-Балкарию, а в прежние времена находившейся в составе Области Войска Терского. Родители его были сельскими учителями, интеллигентами в первом поколении, отец — выходец из каспийских рыбаков, мать — терская казачка. После окончания средней школы в г. Грозном, куда семья переехала в 1932 г. после нескольких переездов из одной станицы в другую, Борис Николаевич поступил в 1936 г. в Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. После окончания института в 1940 г. работал учителем, сотрудником газеты, редактором, диктором областного радио, пока в начале 1943 г. не поступил на работу в Грозненский педагогический институт старшим преподавателем кафедры литературы. В 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию «Исторические песни XVI–XIX вв. на Тереке». В 1954 г. Б. Н. Путилова приглашают на работу в Институт русской литературы (Пушкинский дом) на должность старшего научного сотрудника, в 1958 г. он становится там заведующим сектором фольклора. В 1960 г. он защищает докторскую диссертацию «Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI вв.». В 1967 г. Борис Николаевич перешел на работу в Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), где в течение многих лет исполнял обязанности заведующего сектором общих проблем, а сейчас занимает должность главного научного сотрудника. Биография ученого небогата внешними событиями, его путь в научные учреждения шел довольно ровно и плавно. Стремительно с самого начала шло развитие собственного научного творчества, характеризующегося сразу многоплановостью, широтой научного диапазона, интенсивностью научных контактов, жадным усвоением традиций петербургской фольклористической школы, созданием новых научных направлений.

Сейчас, с позиций знаний о вкладе Б. Н. Путилова в отечественную и мировую фольклористику, очень трудно, почти невозможно себе представить, что сначала он отнюдь не собирался связывать свою судьбу с изучением фольклора. Как рассказывает сам Борис Николаевич, первым его серьезным увлечением были литература и литературоведение. Не желание стать учителем привело его в Педагогический институт им. А. И. Герцена в Ленинграде, а потребность получить литературное образование. Борис Николаевич мечтал стать писателем, в школе он сочинял рассказы и даже роман, в институте сразу же записался в литературный кружок. Но посте-

пенно, отчасти под влиянием лекций, отчасти под воздействием новых друзей и особого ленинградского литературного «воздуха», он увлекся литературой как предметом научного изучения. Очень важную роль в этом сыграли лекции по литературе XVIII в. профессора Сергея Александровича Адрианова, который, по словам Б. Н. Путилова, был человеком замечательным, настоящим петербуржцем, в прошлом — блестящим журналистом, либеральным деятелем. Он был превосходным лектором, первым, кто приобщил молодого студента к науке. По рекомендации С. А. Адрианова Борис Николаевич Путилов взял тему «Журналы Михаила Чулкова» и стал пропадать в Публичной библиотеке. Ни с чем не сравнимую интеллектуальную атмосферу Ленинграда того времени прекрасно описал великий сверстник Б. Н. Путилова Юрий Михайлович Лотман, который примерно в эти же годы стал студентом университета (как выяснилось позже, они часто слушали лекции одних и тех же преподавателей) и который тоже после лекций сидел в Публичке до закрытия. «Публичная библиотека, — говорил Ю. М. Лотман, — тоже была другой. Сейчас туда не то что студентов, даже аспирантов стараются не допустить, а тогда для студентов был специальный зал. И Публичная библиотека, и Университет отличались одной особенностью: они были наполнены людьми, которые были счастливы, если к ним обращаются и они могут помочь. Это были высоко интеллигентные люди. Эта атмосфера совместной работы и высокого благожелательства, с которым относились старшие коллеги (мы уже чувствовали себя коллегами) к нам, студентам первого курса, — это было замечательно, это создавало фон жизни. К любому профессору — Гуковскому или Мордовченко — можно было подойти, и он, конечно, никуда не торопился и был рад выслушать. Точно так же и в библиотеке» [Ю. М. Лотман и тартуско-московская... 1994: 470]. А Борис Николаевич вспоминает, как просто он, студент III курса, был допущен в Рукописный отдел и как сам И. А. Бычков подходил к нему, чтобы узнать, не нужна ли юноше помощь. К слову сказать, истинная демократичность и теплота общения, дух высокого доброжелательства, говоря словами Ю. М. Лотмана, в полной мере присущи и Б. Н. Путилову, и в этом отношении, как и во многих других — личностных и творческих — он воплощает традиции петербургской интеллигенции.

Но вернемся к студенческим годам. В это время в институте был объявлен конкурс на лучшую студенческую работу. По итогам конкурса уже в конце второго курса статью Б. Н. Путилова взяли в специальный сборник студенческих работ, который вышел в 1940 г. С этого времени ученый ведет счет своим печатным трудам, ныне подбирающимся к цифре 600. Пока готовился сборник, Борис Николаевич принялся за вторую тему — «Повесть о Ваньке Каине». Эта работа ввела студента в область довольно сложных библиографических разысканий и чтения архивных рукописей. Весной 1940 г. Борис Николаевич Путилов отдал свое сочинение, переписанное от руки, Сергею Александровичу, а сам вскоре отправился к месту своей первой службы. Увы, в первую же блокадную зиму Сергей Александрович погиб в Ленинграде, от рукописи, конечно, никаких следов не осталось.

Логика первых научных шагов Бориса Николаевича Путилова вела его к занятиям русской литературой XVIII в. Однако следует сказать, что в жизни Бориса Николаевича несколько раз возникали такие случайности, которые подчас играли определяющую роль в поворотах его научной судьбы, способствовали реализации многих заложенных в его природе склонностей, служили толчком к особым творческим взлетам, появлению новой направленности в научных изысканиях, никогда бы не развившихся, не будь подобных случайностей. Одной такой «продуктивной» случайностью оказалась оплошность деканата — студентам забыли прочитать на младших курсах лекции по русскому фольклору и решили исправить это положение на IV курсе. Пробел этот суждено было заполнить Николаю Петровичу Андрееву. Его лекции, вспоминает Б. Н. Путилов, буквально покорили и захватили его полностью. Впечатление от лекций Н. П. Андреева усиливалось и всколыхнувшимся под их влиянием детскими воспоминаниями о песнях, которые пели рыбаки, когда он мальчиком единственный раз выходил с ними в море, о казачьих песнях в станице, которые прекрасно пели мама и тетя. Неосознанное, чисто эстетическое наслаждение и любовь к русской народной песне слились теперь с проявлением явно научного интереса к ней. Молодой ученый понял, что именно фольклор — та область, куда он должен направить все силы. Но было уже поздно: вскоре были сданы экзамены — по фольклору, а затем и государственные. Б. Н. Путилов окончил институт, и началась работа, вплоть до 1943 г. не связанная с наукой. Когда же в начале 1943 г. Б. Н. Путилов опять-таки совершенно случайно попал на работу в Грозненский педагогический институт старшим преподавателем кафедры литературы и среди других должен был читать и курс русского фольклора, — вот здесь-то и пригодились школа Н. П. Андреева, тогда-то Б. Н. Путилов и осознал его несомненное значение в фольклористике. Н. П. Андреев был горячим сторонником исторического изучения фольклора, он первым разработал периодизацию русского фольклора, соотнес с выделенными периодами историю жанров. Идею историзма Б. Н. Путилов усвоил именно от него, первоначально — в его трактовке, она рано заняла одно из определяющих мест в творчестве ученого, о чем подробнее будет сказано дальше. Долгое время он был последовательным приверженцем этой теории, лишь позже увидев ее недостатки. Так или иначе, фольклор стал истинным призванием Б. Н. Путилова.

Очень рано наряду с тягой к историко-теоретической проблематике фольклора Б. Н. Путилов почувствовал вкус к полевым фольклористическим наблюдениям, к живому функционированию народного поэтического творчества. Потребность в непосредственном соприкосновении с фольклорной действительностью привела его к участию в нескольких экспедициях — в России, на Кавказе, в Югославии и, наконец, на островах Океании. Во многих его работах передано ощущение неповторимой прелести живого народного творчества, стихия которого иногда настолько захватывала его, что он становился не просто наблюдателем, но и соучастником этого процесса. Отсюда же идет интерес Б. Н. Путилова к личности исполнителей,

сказителей, со многими из которых он сохраняет дружеские отношения на протяжении всей жизни и которым посвящает свою следующую книгу. А первая его фольклорная экспедиция состоялась еще в 1945 г. к самой старой группе казачьих поселений — гребенскому казачеству, происхождение которого точно не было выяснено. Интерес к этой группе усиливался еще и потому, что в гребенских станицах жили в свое время и творили М. Ю. Лермонтов, А. Полежаев и Л. Н. Толстой, повесть которого «Казачья» — это, помимо всего прочего, великолепное этнографическое сочинение о гребенцах. Фольклор гребенских казаков собирали и публиковали в конце XIX — нач. XX в., но с тех пор о нем ничего не было известно. И вот сразу после окончания войны Б. Н. Путилов с группой студенток отправился в экспедицию, которая дала поразительные результаты. Оказалось, что казачий фольклор жив: они записали былины (что было исключительной редкостью) и исторические песни, нашли прекрасных знатоков старой песни. По итогам экспедиции вышел сборник «Песни гребенских казаков» (Грозный, 1946). С этой книгой зимой 1946 г. Борис Николаевич поехал в Ленинград, в Пушкинский дом, где сектором фольклора в то время руководил М. К. Азадовский — признанный глава советской фольклористики. Он принял молодого ученого с исключительным вниманием, поддержал, одобрил, дал массу советов. Связи с ним Борис Николаевич не прерывал до 1954 г. — года его кончины. М. К. Азадовский принимал у молодого исследователя кандидатский экзамен, он же был оппонентом на защите кандидатской диссертации. Защита состоялась в 1948 г. и была последним «мирным» событием в жизни Пушкинского Дома. Вскоре последовала кампания борьбы с космополитизмом, жертвой которой стал М. К. Азадовский. Б. Н. Путилов наезжал в Ленинград только летом, в отпуск, бывал у М. К. Азадовского, изгнанного из университета и Пушкинского Дома, большого физически, но крепкого духом. В то время он много занимался декабристами. В 1954 г., когда атмосфера стала немного улучшаться, повеяло оттепелью, Б. Н. Путилова пригласили на работу в Пушкинский дом. М. К. Азадовский успел благословить его на это, но вскоре его не стало. Таким образом, на работу в Пушкинский дом Б. Н. Путилов пришел достаточно зрелым человеком, жизнь и работа в провинции приучила его к самостоятельности и независимости суждений, определенной смелости высказываний, далеко не всегда приветствовавшихся в то время. В Пушкинском доме тогда складывался сильный коллектив фольклористов, он по праву считался центром отечественной фольклористики. Неофициально сектор возглавляла А. М. Астахова, замечательный знаток и собиратель северной русской былины, создатель целой школы изучения былин. Как отмечает Б. Н. Путилов, она изумительно знала живую былинную традицию, отлично разбиралась в местных сказительских школах, могла детальнейшим образом охарактеризовать особенности того или иного сказителя. Она знала былинку одновременно и через книгу, и через живой быт. Можно сказать, что А. М. Астахова была последним ученым русской школы, еще заставшей и изучавшей эпос в его полнокровном живом состоянии и зафиксировавшей процесс его угасания. С сектором

фольклора тогда был тесно связан В. Я. Пропп. Б. Н. Путилов рассказывает, что познакомился с ним еще в 1946 г. и сразу же получил от него в подарок «Исторические корни волшебной сказки». Эта книга потрясла его и перевернула многие его представления. Уже после нее молодой ученый внимательно перечитал «Морфологию сказки» и навсегда уяснил связь этих работ. С тех пор Б. Н. Путилов не упускал малейшей возможности послушать В. Я. Проппа, посещал его лекции, восхищаясь логикой их, и, набираясь опыта, слушал его доклады. Студенческая приверженность идее историзма, подсказанная блестящими лекциями Н. П. Андреева, соединилась с чтением трудов В. Я. Проппа, чье понимание сущности фольклора и характера его связей с исторической действительностью во многом определили и позиции молодого ученого. Начало было положено сборником «Исторические песни на Тереке» (Грозный, 1948) и кандидатской диссертацией «Исторические песни XVI—XIX вв. на Тереке». Уже в этой работе проявилось стремление автора к широкому теоретическому обобщению, к пониманию жанра русской исторической песни как художественного феномена со своими специфическими взаимоотношениями с историей. В 1955 г. вышла книга В. Я. Проппа «Русский героический эпос» (переиздана в 1958 г.), идеи которой тогда полностью овладели Б. Н. Путиловым. Он стал горячим сторонником и последователем В. Я. Проппа в самом понимании фольклора как явления, в характеристике его специфики, отношений с действительностью. Вскоре они стали единомышленниками и даже однажды — соавторами. Посторонний читатель в двухтомном издании былин, вышедшем в 1958 г., вряд ли сможет отделить то, что сделал В. Я. Пропп, от доли Б. Н. Путилова, настолько он был в то время проникнут духом идей В. Я. Проппа. Как считает сам Борис Николаевич, он должен был пройти школу В. Я. Проппа, чтобы в итоге обрести самостоятельность позиций, идей, методов. В методологическом плане в конце 1950-х — начале 1960-х годов важнейшей задачей было выявление художественной исторической специфики фольклора и отдельных его жанров, преодоление догматизма и вульгарного социологизма, прямолинейных сопоставлений фольклора с литературой. Именно здесь роль трудов В. Я. Проппа была особенно велика. Докторскую диссертацию «Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков», защищенную в 1960 г. в Ленинградском университете, монографию под таким же названием, а также ряд других фундаментальных работ и изданий текстов, подготовленных Б. Н. Путиловым в конце 1950-х — начале 1960-х годов [Былины 1957; Сборник 1958, 1977; Былины 1958; Исторические 1960; Народные 1962], можно считать реализацией этих задач в сфере фольклора Древней Руси. В них получила обоснование концепция, согласно которой так называемые исторические жанры русского фольклора не являются простым «отражением» (натуральным или искаженным) исторических фактов, а их герои — копиями реальных прототипов, но сами как бы творят историю «заново», соответственно народным понятиям и идеалам. Поэтому задачей исследователя является не возведение сюжетов к историческим реалиям, но прочтение их согласно законам фольклорного

историзма и раскрытие этих законов. С этих позиций Б. Н. Путилов выступил с резкой критикой работ академика Б. А. Рыбакова, доказывавшего прямые связи былинных сюжетов и героев с событиями и лицами истории Киевской Руси. С одной стороны, он показал фактическую несостоятельность конкретной аргументации ученого, с другой — выявил ошибочность методологии, полностью игнорировавшей специфику эпоса, его художественную природу, конструктивную роль фантазии и мифологической традиции [Путилов 1962; 1966а]. Вместе с В. Я. Проппом Б. Н. Путилов отстаивал и развивал понимание историзма эпоса в дискуссиях 1960-х годов. Время подтвердило правильность и плодотворность их позиций, ныне толкование эпоса как прямого отражения фактов реальной истории выглядит безнадёжным анахронизмом.

В связи с серьезными переменами в советской фольклористике в конце 1950-х — начале 1960-х годов, о которых упоминалось выше, и необходимостью избавляться от догматизма, конъюнктуры, вульгаризаторства, которые были в этой науке еще достаточно сильны, одной из важнейших задач стала разработка основных принципов теории фольклора, исследование проблем его сущности, природы, специфики. Сектор фольклора Пушкинского дома, которым тогда заведовал Б. Н. Путилов и в котором активно действовали В. Е. Гусев, Н. В. Новиков, А. М. Астахова, с которым также охотно сотрудничал В. Я. Пропп, сыграл в этой работе значительную роль. Первым мероприятием всесоюзного масштаба явилась организованная Б. Н. Путиловым и В. Е. Гусевым в 1958 г. конференция по проблемам теории фольклора. Б. Н. Путилов выступил на ней с докладом «Проблемы изучения русского фольклора». Доклад этот имел большое значение для существенного обновления подходов к изучению русского фольклора, в первую очередь — для решительного поворота в сторону исторического изучения его жанров. В своем понимании фольклора, задач и путей его исторического изучения Б. Н. Путилов исходил из признания глубокой качественной специфики фольклора, принципиальных отличий его от литературы как по способам возникновения и функционирования, так и по характеру отношений к действительности. Это понимание отразилось прежде всего в конкретных исследованиях Б. Н. Путилова по эпосу, балладам и другим жанрам, но также и в ряде сугубо теоретических работ [Путилов 1960а; 1960б; 1965б; 1975а; 1977а].

По мере накопления материалов и расширения исследовательских интересов, а также в связи с общим движением отечественной фольклористики Б. Н. Путилов все более освобождался от утвердившихся в советской фольклористике представлений о фольклоре как искусстве слова и развивал идеи, согласно которым фольклор как феномен культуры не ограничен вербальными рамками, характеризуется синкретическими формами и, в конце концов, не может быть сведен к категориям одного художественного творчества. В последние годы в ряде выступлений и статей Борис Николаевич стремится опровергнуть расхожий взгляд на фольклор как исключительно феномен народного творчества, освободить понятие фольклора от социологических пут и понять его как универсальное явление челове-

ской культуры [Путилов, 1989; 1991а; 1991б; 1992а; 1994а]. Итогом многолетних исследований в области специфики и природы фольклора как феномена культуры явилась последняя монография Б. Н. Путилова «Фольклор и народная культура» (СПб., 1994).

Важнейшее место в филологической науке занимают вопросы текстологии, которые применительно к фольклору разрабатывались явно недостаточно. Значительный теоретический и практический вклад в этой области был сделан Б. Н. Путиловым. Он подготовил ряд сводных изданий жанров классических фольклорных сборников и антологий. Среди них прежде всего необходимо назвать фундаментальный, около 50 л., том «Исторические песни XIII—XVI веков», собравший весь известный к середине 1950-х годов фонд текстов и давший пример научной систематизации, строгой текстологической обработки и комментирования произведений этого жанра. Под руководством Б. Н. Путилова коллектив фольклористов Пушкинского дома издал также том исторических песен XVII в. Б. Н. Путилову принадлежит публикация оригинала классического сборника Кириши Данилова XVIII в. в серии «Литературные памятники» (М., 1958; изд. 2-е. М., 1977), а также вступительная статья и обширный комментарий. Под его редакцией осуществлено новейшее научное издание «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» в трех томах (Петрозаводск, 1990), основанное на тщательной текстологической работе и архивных изысканиях. Наконец, при участии Б. Н. Путилова проходит подготовка свода русских былин, издание которого, к сожалению, задержалось из-за финансовых трудностей.

Борис Николаевич опубликовал ряд образцовых антологий, главным образом былин и исторических песен. Таковы два издания былин в «Библиотеке поэта» (Большая серия 1957 и 1986 г.), издание русских исторических песен в той же серии 1962 г. Особо следует выделить издание «Былины в двух томах», осуществленное совместно с В. Я. Проппом в 1958 г., о чем уже говорилось, которое единодушно было признано наиболее полной антологией былин, отвечающей самым высоким научным требованиям.

Работа над изданиями предвлялась и сопровождалась теоретическими исследованиями Бориса Николаевича в области текстологии фольклора и участием в разработке практических правил издания памятников русского фольклора [Путилов 1958; 1961; 1963а; 1963б].

В ряде работ Б. Н. Путилов подверг обоснованной критике издания, в которых научные принципы приносились в жертву конъюнктурным соображениям, а также небрежные и безответственные работы [Путилов 1955]. Принципы текстологических исследований, выработанные на материале русского фольклора, были позже применены и усовершенствованы при издании собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, осуществляемом при самом активном участии Б. Н. Путилова, о чем речь еще впереди.

Международный съезд славистов в Москве в 1958 г. и особенно доклад на нем В. М. Жирмунского в большой степени способствовали выходу

Б. Н. Путилова как исследователя за пределы русского фольклора. В. М. Жирмунский развивал идеи, согласно которым общность, сходство, даже совпадения в сюжетике, описании героев, образности эпических памятников Запада и Востока следует объяснять в первую очередь не заимствованием, а действием общих типологических закономерностей. Еще раньше, в монографии В. Я. Проппа «Русский героический эпос» (Л., 1955), были раскрыты связи русских былин с эпическими сказаниями народов Сибири, основанные не на творческих взаимовлияниях, а на законах типологической преемственности. Идеи историко-типологического изучения фольклора увлекли Бориса Николаевича. В. М. Жирмунский ограничивал действия законов типологии рамками героического эпоса, Б. Н. Путилову показалось перспективным попытаться применить эти законы к другим фольклорным жанрам. По ряду обстоятельств его выбор остановился на так называемых исторических балладах. Он предпринял сопоставление восточнославянских баллад о татарском и турецком полоне с соответствующими западнославянскими, южнославянскими, венгерскими, восточнороманскими и доказал, что сходные по сюжетике баллады русских и украинцев, чехов, словаков, болгар и сербов, румын и венгров о чужеземных набегах, похищении девушек, уводе полона, судьбах полонянок, встречах родных в плену и т. д. возникали независимо, на почве сходных исторических переживаний и на основе действия единых жанрообразующих и сюжетообразующих законов, путем сходной трансформации сходной же эпической традиции. Предварительные результаты нашли отражение в ряде статей и докладов [Путилов 1963в; 1963г; 1963д; 1965а; 1965в], а итогом разработки этой темы явилась книга «Славянская историческая баллада» (М.; Л., 1965), встретившая широкий и положительный отклик в научной печати в СССР, Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии.

В это время исключительное значение для ученого имела поездка в Югославию для участия в Международной конференции славистов в Белграде и в XI Конгрессе фольклористов Югославии [Путилов 1964а; 1966б]. Б. Н. Путилов издавна питал симпатии к Югославии, интересовался ее историей, тяжело переживал послевоенный разрыв между нашими странами, горячо радовался восстановлению добрых отношений. Но непосредственное знакомство со страной, замечает он, сразу его покорило и превратило симпатию в прочную любовь, возбудило уже никогда не затихавший интерес к культуре, языку и, конечно, фольклору народов Югославии. Благодаря счастливому стечению обстоятельств ученый регулярно, с 1964 по 1970 г., приезжал, хоть и ненадолго, в Югославию для участия в конгрессах фольклористов, подружился со многими учеными из разных республик страны. Б. Н. Путилов приложил много усилий для популяризации югославской фольклористики в СССР, где с ней были мало знакомы², старался

² Б. Н. Путилов регулярно публиковал отчеты о конгрессах югославских фольклористов, напечатал несколько рецензий на труды ученых Югославии, дал в «Советской этнографии» обзор «Новейшие труды югославских ученых об эпосе» (1966. № 3).

в своих работах привлекать материал из фольклора народов Югославии. Таким образом, увлечение историко-типологическим методом совпало у ученого с обостренным интересом к югославскому фольклору, и свое почти ежегодное участие в конгрессах Союза фольклористов Югославии и в различных международных конференциях он использовал, в частности, для развития своих идей, связанных с типологическим подходом к изучению эпоса и для популяризации этого подхода среди зарубежных фольклористов [Путилов 1968а; 1968б; 1971б, 1971в]. Между тем постепенно складывалось исследование по исторической типологии русского и южнославянского эпоса, завершившееся выходом в свет монографии «Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование» (М., 1971). Рассмотрев во всем объеме фонд сходных сюжетов двух эпических традиций, ученый установил общность их исторического развития, содержания, сюжетных тем и конфликтов, мотивов и персонажей. При этом было доказано, что общность эта основывается на типологических закономерностях, единстве процессов возникновения эпоса из мифологических истоков и последовательной их жанровой трансформации в эпос архаического типа, а из него — в эпос классического типа. Постепенно установка на доказательство историко-типологической общности сюжетов эпоса у Б. Н. Путилова смещалась к другим не менее важным целям: историко-типологический анализ становился средством прочтения глубинного содержания эпических произведений, выявления в них скрытых смыслов, установления генетических связей, раскрытия различных загадок. В ходе конкретных сравнительных исследований эпических памятников разных народов и эпох ученый пришел к открытию ряда закономерностей, которые в конечном счете определяют процесс создания эпоса и общность его в международных масштабах. Среди таких закономерностей стоит назвать прежде всего, закон эпической последовательности и эпической преемственности, принцип эпического подтекста, принцип сюжетной замкнутости и связанного с ним второго сюжетного плана, специфику пространственно-временных описаний, особые способы изображения предметов, событий и людей в эпосе [Путилов 1969; 1970а; 1971г; 1971д; 1972; 1975б; 1970б; 1975в; 1992б; 1993]. Одним из результатов этих исследований явилась обобщающая работа «Эпический мир и эпический язык» [Путилов 1983а: 170–184], в завершающем же виде многолетние размышления исследователя в области специфики народного творчества получили обобщение в монографии «Героический эпос и действительность» (Л., 1988).

Тем временем собственный исследовательский опыт и многочисленные работы советских фольклористов по сравнительно-типологическому изучению различных фольклорных жанров привели Б. Н. Путилова к созданию монографии теоретического плана «Методология сравнительно-исторического изучения фольклора» (Л., 1976). В этой книге ученый показал, что мы вправе говорить о возникновении в нашей науке и плодотворном развитии историко-типологической теории — со своим методом, своим

пониманием природы, сущности и специфики фольклора, своим кругом задач. Книга раскрывала возникновение, формирование и утверждение теории, ее достижения в различных сферах, а также ставила на обсуждение спорные и нерешенные проблемы. Одну из задач своей работы автор видел в объективной критике традиционного компаративизма в фольклористике, его ограниченности.

После сравнительно-типологического исследования былин и юнацких песен дальнейшие усилия Б. Н. Путилова были направлены на изучение следующего, более позднего, этапа эпического творчества. Для этой цели ученый выбрал черногорский героический эпос. Почему именно его? Сам Борис Николаевич объясняет свой выбор несколькими причинами. Главная, конечно, заключалась в том, что именно у черногорцев поздний эпос получил в высшей степени яркое развитие и дожил в естественных формах до нашего времени. Другая причина носила личный характер: природа, история, культура, люди Черногории чрезвычайно привлекли ученого, он склонен был даже несколько романтизировать черногорский мир. Во всяком случае, по его словам, сердце его начинало биться сильнее, когда он с жадностью впитывал впечатления от встреч с людьми и культурой этой земли, изумляясь виду панорамы, открывающейся с вершины Ловчена. В 1972–1973 гг. Б. Н. Путилову удалось провести в Черногории целый месяц и не только поработать в библиотеках Цетинья, но и, главное, поехать по эпическим местам, услышать гусяров, записать на магнитофон, произвести разного рода эксперименты, собрать материал для понимания творчества гусяров. Для ученого эта поездка была незабываемой. Опубликовав по результатам этой экспедиции ряд статей и выступив с несколькими докладами [Путилов 1964б; 1973а; 1974а; 1977б; 1984б], Б. Н. Путилов подытожил свои исследования в монографии «Героический эпос черногорцев» (Л., 1982), в которой рассматривает его как специфический вариант поздней стадии героической эпикей у славян. Книга была с большим интересом встречена в Югославии, очень тепло принята в Черногории, ее перевели на сербскохорватский язык (Титоград, 1985).

Проблемы поздних форм героического эпоса разрабатываются Б. Н. Путиловым в ряде статей и докладов, в том числе «Песня. История. Традиция», «К изучению типологии поздних форм народного эпоса», «Поздний героический эпос на Балканах» и др. [Путилов 1976; 1983б; 1984а; 1988]. Как особая форма позднего эпического творчества рассматривается в многочисленных работах ученого народная баллада. Ему удалось раскрыть глубинное содержание ряда балладных сюжетов и циклов, выяснить их истоки в фольклорной традиции и этнографические связи [Путилов 1964в, 1965г; 1968в; 1975г; 1975ж; 1970в; 1973б; 1973в].

Значительное число работ Б. Н. Путилова посвящено исследованию сюжетки, семантики и истории эпических памятников разных народов, преимущественно славян. Применяя сравнительно-типологическую методику, ученый раскрывает сюжетные загадки, заново прочитывает сюжеты былин и южнославянских песен, пересматривает установившиеся взгляды на ис-

торизм некоторых песенных циклов южнославянского эпоса, вскрывая в них собственно эпическое начало [Путилов 1965д; 1973г; 1991в].

В кругу проблем, связанных с народным эпосом, специально следует выделить проблему сказительства как особого феномена традиционной культуры. Так называемая русская школа фольклористики с середины прошлого столетия уделяла сказителям — творцам, носителям, хранителям, исполнителям эпических сказаний — самое пристальное внимание. В наше время оно распространилось на сказителей, сохранявших эпос народов Сибири, Крайнего Севера и Средней Азии. К сожалению, к середине XX в. живая сказительская культура у большинства народов стала быстро угасать. Между тем в связи с нею у ученых возникали все новые и новые вопросы, для ответа на которые нужны были, с одной стороны, исследования еще сохранившейся традиции, а с другой, — изучение на новых началах сбереженного исследователями прошлого материала, прежде всего эпических текстов. Методы «русской школы» уже не могли полностью соответствовать новым задачам. Здесь серьезным стимулом могли стать идеи американских ученых М. Пэрри и А. Лорда, успешно проведших серию экспериментов с югославскими гусярами и предложивших ряд новых концепций относительно сказительского искусства вообще. К сожалению, основной труд А. Лорда *Singer of Tales* (1960 г.) был встречен у нас довольно холодно, лишь некоторые ученые обратили внимание на заключенные в нем позитивные положения. Б. Н. Путилов был среди них, как всегда быстро реагирующий на новое, интересное, способное к творческому использованию. Он, в частности, предпринял опыт приложения некоторых идей и методических приемов А. Лорда к изучению севернорусских былинных сказителей. Поскольку сказительское искусство в России к этому времени уже полностью угагло, Борис Николаевич обратился к сравнительному анализу былинных текстов, исполнители которых были известны. Результатом этого анализа явилась обширная статья «Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами)», напечатанная в 1966 г. в сборнике «Принципы текстологического изучения фольклора». Новый подход позволил внести существенные поправки в общепринятые представления о делении всех былинных сказителей на три категории по отношению к исполняемому тексту, а также к известному утверждению А. Гильфердинга, будто сказитель одни части былин («типические») исполняет наизусть, не меняя их, а другие («переходные») всякий раз сочиняет заново. Б. Н. Путилов подтвердил выводы А. Лорда о том, что сказитель (имеется в виду классический тип) не заучивает свои тексты, но при каждом новом исполнении как бы воссоздает их, опираясь на знание эпической «грамматики» и владение техникой такого воссоздания.

С этого времени Борис Николаевич поставил своей целью оживить интерес к сказительству у ученых, занимающихся эпосом разных народов нашей страны, и всячески пропагандировать идеи и методы А. Лорда. На эти темы он неоднократно выступал на всесоюзных и региональных конференциях по эпосу [Путилов 1973д; 1980б; 1991г], стал одним из инициаторов

Лордовских конференций (в память о Лорде, умершем в 1992 г.). К настоящему времени состоялись три международные конференции (две — в Петербурге, одна — в Якутске), основная направленность которых — разработка актуальных проблем сказительства. На этих конференциях Б. Н. Путилов выступал с докладами, в которых разъяснял сущность теории Пэрри-Лорда, сопоставлял ее с работами «русской школы» и стремился подчеркнуть плодотворные возможности идей и методов А. Лорда для исследования сказительства.

Разыскания в области генезиса, истории и художественной специфики фольклорных жанров привели Б. Н. Путилова к необходимости заново пересмотреть отношения фольклора с этнографической действительностью, а отсюда — и взаимоотношения фольклористики и этнографии.

Примерно с конца 1920-х — начала 1930-х годов связи двух научных дисциплин стали ослабевать и даже во многом оборвались. Лишь немногие ученые продолжали изучать явления народного быта, материальной культуры, обрядности, социальных отношений в тесной связи с явлениями устного творчества, и, напротив, фольклористы стали часто отделять это творчество от этнографического контекста, рассматривать его как явление устной литературы. Литературоведческий подход к памятникам фольклора явно ограничивал возможности проникновения в глубинное содержание их, в изучение их структуры, поэтики. Уже в работах 1960-х годов Б. Н. Путилов делает попытки преодолеть эту ограниченность и найти пути внедрения новой методики, которую он впоследствии, опираясь на опыт В. Я. Проппа, И. И. Толстого, Е. М. Мелетинского и других ученых, стал определять как методику этнографизма. Перейдя в 1967 г. на работу в Институт этнографии из Пушкинского дома с его сильнейшими традициями литературоведческого отношения к фольклору, он находит полное понимание и поддержку своим замыслам и начинает серию индивидуальных работ и коллективных мероприятий, посвященных взаимоотношениям фольклора и этнографической действительности. Он организует ряд конференций, семинаров на тему «Фольклор и этнография», привлекая фольклористов и этнографов самых разнообразных специальностей и интересов. В итоге в течение 1973—1990 гг. выходит шесть сборников под общим названием «Фольклор и этнография» с характерными тематическими подзаголовками, такими как «Обряды и обрядовый фольклор»; «Связи фольклора с древними представлениями и обрядами»; «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов»; «Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры». Сюда же вписывается изданный учениками и единомышленниками ученого в честь его 70-летия сборник «Фольклор и этнографическая действительность» (Л., 1992). Следует упомянуть здесь и подготовленный под редакцией Б. Н. Путилова очередной том сборника МАЭ «Материальная культура и мифология» (Вып. 37. Л., 1981).

Конкретными собственными исследованиями Б. Н. Путилов дал удачные примеры интерпретации фольклорных сюжетов, образов, мотивов, по-

этических элементов на основе привлечения этнографических данных, а также, в свою очередь, показал органическую включенность явлений фольклора в различные стороны этнографической действительности. Б. Н. Путилов предложил, наконец, ряд теоретических соображений к типологии и специфике фольклорно-этнографических связей и отношений. Обрядовым и мифологическим связям фольклора посвящен ряд статей общетеоретического и более конкретного плана [Путилов 1975д; 1977в; 1979; 1983в; 1994б].

Большую роль в разработке и осмыслении этой проблемы сыграла полевая работа на Берегу Маклая и на других островах Океании, которая заслуживает особого разговора. В 1971 г. произошел еще один счастливый случай в жизни Б. Н. Путилова — он принял участие в большой комплексной экспедиции «По следам Миклухо-Маклая» на острова Океании на научно-исследовательском судне АН СССР «Дмитрий Менделеев». Эта поездка вызвала очередной поворот в научной жизни ученого, расширив ее горизонты, способствовал появлению новых исследовательских интересов, в том числе к теме, связанной с деятельностью великого русского путешественника и ученого Н. Н. Миклухо-Маклая. Эта тема стала одной из главных в современном творчестве Бориса Николаевича, он, что называется, прикипел к ней душой. В составе этнографического отряда ученый занимался сбором фольклора и изучением современного состояния фольклорной традиции на Новой Гвинее и на ряде островов Меланезии, Полинезии и Микронезии. В деревне Бонгу, где несколько лет прожил Н. Н. Миклухо-Маклай, Б. Н. Путилову удалось найти традиционные музыкальные инструменты, записать их звучание, снять на фото- и кинолентку традиционные пляски папуасов, записать на магнитофон несколько десятков традиционных песен, преимущественно обрядовых. Аналогичная работа проводилась и в других местах Океании. Она дала немало свежего материала для наблюдений над фольклорно-этнографическими связями, которыми автор делился в ряде докладов и выступлений на международных конгрессах, в том числе в США, Югославии и Болгарии, а также в ряде статей [Путилов 1973е; 1974б; 1974в; 1975е; 1978а; Ритмы 1978]. Не ограничиваясь материалами полевой работы, Б. Н. Путилов осуществил исследования в области фольклора и мифологии Новой Гвинее, основанные на интерпретации в духе современных теорий фольклорных источников, собранных предшественниками [Путилов 1977г; 1978б; 1981а]. В монографии «Миф — обряд — песня Новой Гвинее» (М., 1980) им предложен анализ многочисленных фактов генетических, семантических, функциональных связей элементов, входящих в заглавие книги.

Как уже отмечалось, участие в экспедиции по следам Миклухо-Маклая явилось стимулом для пробуждения острого интереса к личности Н. Н. Миклухо-Маклая. Особенную роль в этом сыграли, конечно, пребывание на Берегу Маклая и знакомство в Сиднее с внуком Миклухо-Маклая Робом Маклаем и хранимыми им материалами. Изучение произведений самого

Миклухо-Маклая, его переписки, русской печати 1870–1880-х годов, материалов из архивов РГО и Академии наук в сочетании с личными переживаниями от пребывания в местах, где жил русский путешественник и ученый, вызвали буквально творческую вспышку: Б. Н. Путилов издал три книги на русском и английском языках, в которых предложил свое понимание деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая, места его в отечественной науке и культуре, характеристику его личности [Путилов 1981б; 1982; 1985]. С конца 1970-х годов Б. Н. Путилов начал работу над подготовкой нового собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая в составе научного коллектива Института этнографии АН СССР. Он использовал свой большой опыт текстологической работы, стал инициатором новых, подлинно научных принципов издания текстов ученого, основанного на строгих текстологических правилах, сумел убедить большую часть коллектива в верности такого подхода. Первый том, включающий дневники путешествий 1871–1874 гг., полностью подготовлен им, во втором и третьем томах ему принадлежит ряд разделов, в значительной мере им подготовлен том пятый (письма). В ходе работы над изданием Б. Н. Путилов собирал архивные и иные материалы по биографии Н. Н. Миклухо-Маклая, послужившие темой для различных докладов, выступлений, статей.

Казалось бы, такая поглощенность научно-исследовательской работой не оставляет ни времени, ни возможности заниматься другими видами деятельности. Но в силу своей организованности Б. Н. Путилов способен при этом вести интенсивную, громадную по объему организационную и просветительскую деятельность. Собственно говоря, для него — это та же научная работа, но в ином аспекте и несколько иной ориентации.

Начиная с 1953 г. ученый активно участвует в фольклористической жизни страны, устраивает сам различные мероприятия, участвует в многочисленных всесоюзных, региональных и международных конференциях, в том числе в нескольких международных съездах славистов, конгрессах фольклористов Югославии, во всесоюзных сессиях, посвященных итогам полевых антропологических и этнографических исследований, конференциях, организованных Советом по фольклору АН СССР, в ряде фольклорных конференций в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польше. В течение нескольких лет Б. Н. Путилов был деятельным участником Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и Балкан, под его руководством готовился коллективный труд о фольклоре опришков-разбойников на Карпатах.

Организаторская деятельность Б. Н. Путилова в науке проявилась в подготовке и редактировании им коллективных трудов и сборников на различные фольклорные и этнографические темы. Начиная с 1950 г., когда он стал редактировать «Известия Грозненского областного института и Музея краеведения», и вплоть до настоящего времени он как ответственный редактор выпустил в свет около 60 научных изданий. Как соредактор или член редколлегии он участвовал в издании около сорока трудов.

В настоящее время Б. Н. Путилов является членом редколлегии журнала «Живая старина» и заместителем ответственного редактора собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая.

Как член Союза писателей Санкт-Петербурга Б. Н. Путилов принял участие в организации эссеистского журнала «Всемирное слово» и является членом его редколлегии. В числе книг, отмеченных печатью литературного творчества (при сохранении высокого научного уровня), надо назвать «Заставу богатырскую», вышедшую в издательстве «Детская литература», и упоминавшиеся книги о Н. Н. Миклухо-Маклае, написанные для широкого отечественного и зарубежного читателя.

Из данной выше характеристики творческого облика Б. Н. Путилова достаточно ясно, кто оказал влияние на формирование его научных подходов, чьи идеи получили плодотворное развитие в его трудах, в какие новые направления они выросли в собственной его научной деятельности. Тема учителей и учеников имеет свой особый оттенок применительно к научной судьбе ученого. Будучи почтенным мэтром науки (хоть это слово не вполне соотносится с личностью и манерой поведения Бориса Николаевича, но каким более подходящим термином определить автора около 600 работ, имеющего несколько десятков учеников в разных странах ближнего и дальнего зарубежья, ставших кандидатами и докторами наук, организатора и «души» бесчисленных конференций, симпозиумов, конгрессов, в том числе и международных?), он сохраняет трогательную преданность своим учителям. Иные из них в свое время стали его коллегами, но он до сих пор ощущает себя их учеником и постоянно подчеркивает, сколь многими идеями и исполнениями замыслов им обязан. Меньше всего при этом Борис Николаевич следует юбилейным ритуалам. Как обычно, его поддержка не столько словесная, сколько действенная. Одна из его постоянных забот, которую он считает своим долгом, — это осмыслить и популяризировать опыт своих учителей и коллег старшего поколения. Это он делает постоянно, в течение всей своей научной деятельности, в исследованиях на разные темы, но есть у него и специальные статьи и рецензии на труды М. К. Азадовского, И. И. Толстого, В. Я. Проппа, В. М. Жирмунского, П. Г. Богатырева, Э. В. Померанцевой. Особый цикл составляют статьи, посвященные творческой деятельности В. П. Адриановой-Перетц, А. М. Астаховой, М. О. Скрипиля, В. Я. Проппа, В. М. Жирмунского, П. В. Линтура, Д. Нельковича (Югославия). Наконец, Б. Н. Путилов подготовил к изданию сборники трудов М. К. Азадовского, В. Я. Проппа, а также участвовал в подготовке тома собрания сочинений В. М. Жирмунского [Азадовский 1960; Пропп 1976; Жирмунский 1979]. Имена выдающихся учителей всегда с ним, в его трудах, он оказался хранителем их духовных ценностей в самом широком гуманистическом смысле слова и, передавая их своим коллегам и ученикам, не может не оказывать на них облагораживающего влияния. Благодаря таким людям остается надежда на то, что сколь бы ни был тонок «культурный слой» российской интеллигенции, он все-таки не

исчезнет, какие бы потрясения нам ни преподносила история. Будучи сам учителем многих, щедро делясь знаниями со своими учениками, пользуясь безусловным авторитетом, но несколько при этом не давящим, Борис Николаевич, тем не менее, и сам до сих пор сохраняет страсть к ученичеству. Учителя для него — это не только те, у кого он принял эстафету, чье дело продолжает. Каждая встреча с интересным, самобытным человеком для него становится школой, и, не скрывая любопытства, он охотно учится у своих младших коллег. Легкий на подъем, Борис Николаевич может поехать слушать заинтересовавший его доклад или сообщение, совсем не обязательно связанные с наукой. Как и в молодые годы, он часто пропадает в Публичной библиотеке, одним словом, во многих отношениях он может некоторых молодых своих коллег.

Судьба отнеслась к Борису Николаевичу Путилову милостиво. Его обошло стороной «красное колесо» нашей истории и военное пекло, унесшее жизнь многих его сверстников. Б. Н. Путилов смог реализовать свои способности, его движение в науке проходило вполне благополучно. Творческая зрелость ученого пала на мрачные послевоенные годы идеологических проработок, которые также не коснулись его лично, но от которых пострадали его учителя. И вот еще одна характерная черта ученого: он не только не отрекся от своих учителей, но всячески старался их поддержать, а это в те времена дорого стоило. Только тот, кто сам не испытал ужаса атмосферы послевоенных лет, не может понять, какое огромное значение имели и были просто актом мужества просто молчание, уступка в малом, использование требуемых цитат в качестве чистой декорации для того, чтобы иметь возможность высказать главные, заветные идеи, необходимые для развития науки. Очень редко, но приходилось идти на такие уступки Б. Н. Путилову, что несколько не подточило его репутацию честного, порядочного человека и достойную позицию в науке. Его научные работы, изданные в 1940–1950-е годы, не утратили своей значимости, потому что писались в угоду истине, а не по случаю очередного юбилея или в свете очередных указаний. Отличаясь независимостью мнений во времена своего научного становления, он и в последующие годы смог оставаться внутренне свободным человеком, насколько это было вообще возможно. Б. Н. Путилов не относится к типу пламенных обличителей (хотя и бывают у него моменты взрыва негодования, когда он дает волю своему темпераменту), в целом — это не его стиль. Стиль его глубокой порядочности — негромкий, уравновешенный, но действенный и очень надежный. Будучи сам человеком счастливой научной судьбы, он делает все, чтобы ни в науке, ни в жизни не было возврата к страшным временам. И делает это не политическими речами, а так, как может себе позволить профессионал его уровня, — с помощью своей науки. В ноябре 1992 г. Б. Н. Путилов совместно с В. С. Бахтиным организовал первую в нашей стране конференцию «Фольклор ГУЛАГа», в которой приняли участие бывшие узники ГУЛАГа, писатели, ученые-фольклористы, а недавно вышел сборник «Фольклор и культурная среда ГУЛАГа» (СПб., 1994) — пронзительный памятник жертвам нашей эпохи.

Закончить краткий очерк о научном пути и сфере исследовательских интересов Б. Н. Путилова я хотела бы этюдом о К. С. Станиславском, во-первых, считая, что эстетика науки, особенно фольклористики, сродни искусству (вспомним слова Ю. М. Лотмана о том, что наука и искусство — это как бы два глаза человеческой культуры), и, во-вторых, учитывая определенный артистизм натуры Бориса Николаевича. В день своего семидесятилетия К. С. Станиславский, занимаясь актерским мастерством с одной из своих учениц, на прощание написал по ее просьбе несколько слов на клочке бумаги, в том числе и следующие: «Теперь спросите меня: в чем счастье на земле? В познании. В искусстве — и в работе, в постигновении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант! Выше этого счастья нет! А успех? — Бренность. Какая скука принимать поздравления, отвечать на приветствия, писать благодарственные письма, диктовать интервью. Нет, лучше сидеть дома и следить, как внутри создается новый художественный образ» [Станиславский 1961: 324–325]. Думаю, что такое же кредо исповедует и Б. Н. Путилов. Сколь бы естественен и органичен ни был он в любой аудитории — научной и лекционной, в экспедиции или на конференции, на заседании или, в конце концов, за веселым застольем (ведь ему, по известному высказыванию, ничто человеческое не чуждо), все-таки самое естественное его состояние — это сидеть за письменным столом и создавать свои сочинения. Общаясь с ним в повседневной научной жизни, мы не осознаем (и это, конечно, заслуга самого Бориса Николаевича, его открытости, простоты и доступности в общении), что, в сущности, являемся современниками человека, воплощающего в себе историю науки и творящего эту историю, ученого поразительного трудолюбия и высокого полета мысли, одного из создателей современной школы в фольклористике, отрывающего новые, до сих пор не освоенные пространства в этой науке, личности на редкость гармоничной. Что же можно пожелать человеку, полвека преданному своему делу, испытывающему радость от напряженного творчества и передающего эту радость другим? Только то, чтобы судьба по-прежнему была бы к нему благосклонна и не помешала свершению его обширных планов.